

Наталья ЖЕЛНОРОВА

МИР И ВОЙНА
ВЛАДИСЛАВА СТАРКОВА

Москва
Издательский дом «Время жить»
2010

УДК 323/324(470+571)+070+929Старков
ББК 66.3(2Рос)+76.01
М63

М63 **Мир и война Владислава Старкова** : книга воспоминаний / Наталья Желнорова — Москва : Время жить, 2010. — 296 стр. — ил.
ISBN 978-5-9902081-1-7

Эта книга будет интересна не только для журналистских коллективов, которые могут почерпнуть из нее что-то важное для себя, но и для любого человека, желающего заглянуть на «кухню четвертой власти»...

Эту книгу можно было не писать: ни к чему ворошить прошлое, показывать свои проступки, выворачивать свое белье... Но память о нашем Главном не соглашается с забвением, даже ради того, чтобы умолчать, скрыть какие-то страницы его необыкновенной жизни. Можно было бы взять только созидательную часть этой биографии и сделать из нее для народа «лаковую миниатюру», однако и коллеги, и друзья, и родственники сошлись в едином мнении: нужна правда.

На сломе эпох от социализма к капитализму мы, активные участники происходящих в обществе процессов, пережили такие яркие картины, так много души вложили в свое дело, питали такие надежды на будущее, что столкновение с «богатой» действительностью было похоже на столкновение роскошного «Титаника» с холодным айсбергом...

УДК 323/324(470+571)+070+929Старков
ББК 66.3(2Рос)+76.01

*В книге использованы стихи В. С. из сборника
«Услышь меня! Я рвуся к тебе...».*

*На цветных вкладках использованы фото из архивов
Старковых и Натальи Желноровой, а также фотоработы
Бориса Кремера, Владимира Сварцевича, Валерия Христофорова,
Сергея Хальзова, Геннадия Усоева и коллажи Андрея Дорофеева.*

ISBN 978-5-9902081-1-7

© Желнорова, Н. Н., 2010
© Оформление. ООО Издательский дом
«Время жить», 2010

Автор-составитель этой книги выражает огромную благодарность жене и дочери Владислава Старкова — Юлии Федоровне и Елене, за большую помощь в подготовке издания.

А также благодарит за воспоминания:

*Николая Зяцькова
Дмитрия Макарова
Людмилу Новикову
Ирину Солганик
Галину Волчек
Наталью Бояркину
Андрея Углонова
Анатолия Мамциса
Владимира Суичмезова
Татьяну Зелеранскую
Дмитрия Иванова
Виталия Игнатенко
Авангарда Леонтьева
Елену Кореневу
Андрея Дорофеева
Елизавету Штайгер
Викторию Андреянову
Николая Солдатенкова
Всеволода Богданова
Ирину Крейнгель*

*Тамару Фатееву
Марию Варденгу
Олега Желтова
Геннадия Ариевича
Марину Мурзину
Тамару Виркунен
Викторию Шкаровскую
Виктора Перушкина
Светлану Егорову
Николая Попадъина
Владимира Воинова
Ларису Хлебникову
Игоря Моржаретто
Владимира Торопова
Александра Минкина
Лидию Ершову (Скрябину)
Сергея Касацкого
Николая Головки
Аллу Пугачеву
Андрея Бинева*

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Не в том суть жизни, что в ней есть.
А в вере в то, что в ней должно быть.*

Иосиф Бродский

...Когда я призналась одному знакомому, что мы хотим написать книгу памяти о нашем Владиславе Андреевиче Старкове — создателе и главном редакторе еженедельника «Аргументы и факты», этот собеседник неожиданно поразил меня таким укором: «Мы, читатели, никогда ничего о вас, журналистах, не знаем! В ваш «дом» практически никто «не вхож»! Но вы сами — непонятно, по какому праву — лезете к нам в душу и не пускаете нас в свою! «Четвертая каста» выливает на нас все, что ей заблагорассудится! Вы морально калечите наших детей, доводите некоторых до суицида. Вы поднимаете людей на пьедесталы и низвергаете их в пучину страстей. Вы даже сами не представляете, какой идеологической «кибермашиной» управляете и куда на ней двигаетесь! И часто забываете, какая у прессы сила и власть над человеком и страной!»

От автора

СМИ меняют ориентацию

В стране появилось огромное количество изданий, их главной темой стали бандиты и их разборки; гадалки и пророки всех мастей; скелеты в шкафу новоявленных «звезд»; «секса» столько, сколько, наверное, не «производится» во всей России. «Барахло» из всех «кладовок» вывернуто на обалдевший народ. А политикой и ее новыми вершителями судеб обильно, как острой приправой, сдобрено все это «варево».

Неслучайно СМИ раньше называли «четвертой властью» — она соединяла первые три «ветки» с народом, транслировала их наме-

рения и деяния. Анализировала эти намерения, чтобы они как можно меньше вреда принесли народу. И общество ценило эту роль прессы, оно отиралось на нее, когда надо было выровнять первые три власти. Конечно, нередко случалось, что по заказу властей и она травила неугодных, и возвышала угодных. Но сейчас неугодным стало все российское общество.

Общество оказалось задавлено пошлостью, криминалом. Как по заказу (а может и так?) идет восхваление героев преступного мира. Наркоманы, проститутки, бандиты, ворье, самоубийцы — все это с помощью СМИ вывалилось на головы читателей, зрителей. Пороки красочно расписываются и подаются под глянцевого оберткой. На ней написаны как будто безобидные для нашего слуха иностранные слова: рейдеры, путаны, киллеры, педофилы, коррупционеры, гомосексуалисты, некрофилы, скинхеды... Однако в нашем родовом подсознании нет от них такой сильной защиты, как от слов «вор, разбойник, казнокрад, убийца, растлитель». Закамуфлированные иностранные слова подчас воспринимаются почти так же спокойно, как и ранее неизвестные нам «маркетолог», «пиарщик», «диджей». Просто профессии. Ну что в них плохого?

Журналисты говорят, что все факты берут из жизни. Но любой единичный случай пресса своим тиражированием, а по сути, рекламой, превращает в серийное производство. Почему рекламой? Потому что за негативным фактом нет комментария, в котором порицание, отпор, возмездие, нет общенародного клейма порока, нет оценки, и это сразу превращает факт в рекламу, особенно, когда бездействуют все другие «воспитательные центры». Кроме того, в большинстве случаев мы слышим: «Киллера, скорее всего снова не найдут» или «нет закона, чтобы наказать работодателей за то...» — уверенно заключает свой кровавый рассказ обозреватель. Словом, гуляй, бандит, тебя не тронут.

Некоторые журналисты, к огромному сожалению, превратились в «помойщиков», которые роются среди трупов, пороков, ищут па-

даль, тянутся туда, где гниение и распад. Вытаскивают их и провоцируют трагедии, стравливая и народы, и политиков, и корпорации. Вся страна оказалась задавлена, замордована прессой страшнее, чем любым кризисом. Она идет за людьми по пятам, разлагает детей.

СМИ стало страшнее даже самой действительности: очевидно, что не в каждой семье отец насилует двухлетнюю дочку, но когда это повторено по семи телеканалам и приведены данные, что якобы такое случается в каждой двадцатой семье — ясно, что семейная жизнь во ВСЕХ молодых семьях уже отравлена подозрением!

Результат — журналист оказался не лучше преступника: если разбойник совершает преступление против одного человека или группы лиц, то журналист с помощью своей электронной или печатной «дудки» выступает уже против всего народа, угнетая его дух, подавляя волю и убивая надежду.

ОПГ (организованные преступные группировки) не прикидываются «белыми и пушистыми», хотя и не против того, чтобы с помощью денег, затраченных на кинематограф и художественную литературу, приукрасить свой образ. А вот СМИ по-прежнему претендуют на какой-то особый в стране «властный» статус. Напрасно. Когда СМИ метнулись за деньгами, получаемыми от пиара и рекламы, они забыли о своем долге перед обществом. Сами выдумали себе две порочные цели: развлекать народ и зарабатывать на нем. Отсюда появились и разрослись «раковые опухоли» финансовых и прочих пирамид, которые превратились в памятники на могилах наших обманутых соотечественников.

Отдельными СМИ позабыты и честь, и совесть, и милосердие. И вскрывать проблемы, как гнойники, надо руками умелых хирургов, то есть давать на них комментарии умных и порядочных людей. И нужно постоянно убеждать общество, что порок непременно будет наказан (вот вам факты). Добро обязательно должно торжествовать над злом. Поэтому необходим показ достойных выходов из наших проблем. Только таким путем мы не оставим людей наедине со стрессом и хоть как-то поможем им.

Если раньше при словах «это журналист» людям хотелось познакомиться, узнать что-то новое, посоветоваться или пожаловаться, то теперь появилось новое желание — посторониться, избежать общения.

Нынешний журналист уже не раз совершил перед народом свое иудино предательство, когда допускал к эфиру не мыслящих и добрых, а тех, кто хуже и «страшнее». Поэтому так мало «ниш», где можно было бы проявиться добру. Даже довод придуман соответствующий: «У доброты нет рейтинга». А нет рейтинга — значит, в кассе СМИ нет денег от такой теле или радиопередачи или от публикации в газете. А так как деньги сейчас у «плохишей», то именно им «мы вынужденно послужим». Вот так было взято равнение на антигероя, на низменные потребности людей и потворство этому.

«Кривое зеркало»

СМИ изменило весь наш жизненный уклад.

Подобное происходит и в канун выборов, когда с помощью СМИ в кресла высоких чиновников попадают неправильные для страны люди. Но тридцать сребреников кем-то уже получены... Руководителям массмедиа наплевать, какие чудовища придут к власти, и как потом мы будем страдать от их неумелости, воровства. Да и сами медийщики попадут когда-нибудь в эту яму-клоаку, кто тогда услышит их стоны...

Однако в будущее они, похоже, и не пытаются заглядывать — лишь бы урвать свое в эту минуту. Игнорируют то, что они «глас народа». Помните, как заклинание внедрялось в сознание масс: «Да-да-нет-да»? Одно «нет», и то для других — для оппозиции! А если бы мы, в первую очередь, журналисты, почаще говорили своим «избранникам» золотые слова «нет!», «нельзя!», «не поддержим!» — разве народные слуги не опомнились бы в своем безумстве?! Именно на нашем страхе и холуйстве вырастали большие и маленькие тираны. Разве могли бы они без угодливо согнутых спин вскарабкаться на вершину власти? Почему мы тогда упрекаем тиранов в... тиранстве?

И в то же время сколько искренних, настоящих журналистов погибли за свое правое дело! Когда они не смирились с «давиловкой» власти, не боялись ярости бандитов, когда «лезли на рожон», лишь бы только обнародовать обнаруженные доказательства чьей-то вины или, наоборот, чьей-то неугодной кому-то правды.

Они забывали о том, что их могут скоро забыть, что у них есть обязательства перед семьей и детьми, что все равно их сил в борьбе с большим злом скорее всего на сегодня не хватит... Но что-то тянуло их к выполнению профессионального долга, и этими поступками, даже своими жизнями, они очищали слои грязи и со своих расчетливых коллег.

Печать по своей сущности, которую никто отменить не может, является коллективным агитатором, пропагандистом и организатором. Достаточно показать один порок, как он сразу же, словно в тысяче зеркал, отразится в тысячах судеб. Но покажи настоящего героя — и сколько людей, подростков захотят быть похожими на него!

Несомненно, что СМИ — это опаснейшее оружие, если оно оказывается в равнодушных или циничных руках. И в то же время это — лекарство, если общество получает его с любовью, из рук разумных руководителей масс-медиа. Право, жаль, что нет у журналистов такой же клятвы Гиппократов «Не навреди!», как у врачей. Но разве от этого наш долг перестает быть нравственным?

Плата за успех

...Размышляя над всем этим, я поняла, что в книге воспоминаний о Владиславе Старкове будет и о том, какие превращения произошли с «АиФ» — этим популярнейшим изданием, которое благодаря таланту, смелости и пронизательности главного редактора превратилось из социалистического «ничто» в капиталистическую медиаструктуру, живущую по законам жесткого бизнеса. Причем во многом вопреки принципам прежнего «АиФа» — «Все для читателя и во имя интересов читателя!»

Под впечатлением этого я мысленно вернулась на несколько лет назад. Помню, было не по себе. Предчувствие говорило, что этот день

может стать одним из самых неприятных в моей жизни. Слава Богу, что он уже подходил к концу. Оставалось всего несколько часов до полуночи, до сна, а там уже и следующий день с его очередными заботами.

Мелькали новостные сюжеты по Первому каналу, и среди них прозвучало: «Скончался известный журналист...» Кто же? — мелькнуло в голове. А на экране телевизора тем временем появилось его лицо. Наш Главный, наш Старков! Так рано! Да, болел, ну так что же? Промелькнула мысль: «Быть может, он просто не захотел жить?»

А уже на следующее утро газеты пестрели заголовками статей о кончине Старкова и некрологами. Вот лишь один из них.

«Он придумал «АиФ» — писали «Новые известия»

В субботу после продолжительной болезни на 65-м году скончался Владислав СТАРКОВ, основатель еженедельника «Аргументы и факты».

Благодаря тому, что в 90-е годы тиражи «АиФ» превысили 33 миллиона экземпляров, газета попала в Книгу рекордов Гиннеса. Количество в данном случае было прямым следствием качества издания.

«АиФ» — единственная газета, которая менялась на протяжении четверти века, сохраняя свое лицо. Старков уже в конце 70-х сумел из желтоватого по замыслу кураторов из ЦК партии еженедельника сделать в полном смысле демократическое издание.

Вот еще факт для Книги рекордов Гиннеса: неизвестно, как в мире, но у нас точно нет второго такого Старкова, основавшего и четверть века (!) возглавлявшего популярнейшее издание. Из «АиФ» — как русская литература XIX века из гоголевской «Шинели» — вышли все нынешние «толстушки» и «уикенды», по своим тиражам уже сопоставимые с детищем Старкова. Но по качеству, корректности освещения даже самых «жареных» тем и по доброй репутации — это надо еще крепко подумать».

Все следующие дни были гнетущими, пасмурными. Случившееся тяготило так, будто я не выполнила перед Старковым какое-то обязательство. И, может быть, поэтому, прощая его в последний путь, я, повинувшись какому-то порыву души, сказала своим друзьям и коллегам по еженедельнику «Аргументы и Факты», что надо напи-

сать о нем книжку. Все согласились: да, книга необходима. И как-то так получилось, что это нелегкое дело возложили на меня: мол, вы долго вместе работали, много общались...

Когда я настраивала себя на это не простое (в виду отсутствия писательского опыта) дело, то приходила к выводу, что необходимо рассказать не только о нашем главном, но и об атмосфере в стране, в нашем коллективе, о его команде, о друзьях-товарищах и даже о себе...

Вспоминалось разное. Например, как однажды, в поисках газеты для разведения огня, я взяла пачку старых наших номеров. Только хотела поднести к ним спичку — огонек выхватил какую-то статью, и я тут же вспомнила, как она всколыхнула общественное мнение, сколько и радостных, и возмущенных откликов она вызвала, сколько писем пришло в редакцию, как бурно мы обсуждали их и как намечали следующие свои «гвозди». А на другой странице я увидела черно-белое лицо писателя, за которым мы долго-долго «охотились», и вот, наконец, он появился у нас. И откровенно говорил, как его давило ГПУ, как он прятал свои рукописи и жил в изгнании... Суматошные дни нашей айфовской жизни. Они пристально глядели на меня со страниц этой газеты.

Перед глазами всплывают картины застойных 70-х и начала 80-х годов. Страна еще не бурлит, не пенится, гейзеры народного возмущения не пробиваются в разных сферах, не выносят на поверхность гнойники накопившихся нерешенных проблем... Но где-то уже появляются новые личности, почти гуру, готовые повести взбудораженные массы — хоть на баррикады, хоть сразу в счастливое и светлое будущее, так как им одним якобы ведома дорога туда. Возвращаясь к тем годам, я вспоминаю, как страна одновременно и вздыбилась, и окрылилась новыми возможностями. И очумевшие вместе со страной граждане буквально заглатывали свежие, необычные новости «Огонька», «Литературки» — тем более, что других «продвинутых» изданий еще не было...

Казалось бы, что мог на этом фоне какой-то «боевой листок» под нелепым названием «Аргументы и факты»? И почему в обществе

вскоре появляется такой же, если не больший, интерес к новому изданию? Этот черно-белый листок на восьми небольших полосках, разделенный на модули, тогда еще и не назывался «газетой». Это был «бюллетень для лекторов, пропагандистов и агитаторов». И, на самом деле, это был бюллетень, вроде того голубенького больничного, который выдавался заболевшим людям, и назывался он честно — «о нетрудоспособности».

Это определение «АиФа» было верно по всем показателям. Но парадокс был в том, что этот бюллетень выдавался одряхлевшими «эскулапами» из Политбюро ЦК уже неизлечимо заболевшему обществу. Нетрудоспособному, с убийственным диагнозом — хронический застой. Назревали, как оказалось потом, шоковые методы лечения, за которые принялись невесть откуда взявшиеся гиппократы. Шок был в том, что они не лечили, а разрубали зашлакованные узлы огромного советского организма. Менялось все. И надо было уходить от рецептов Политбюро ЦК к другим рецептам, к другой информации, в которой так жадно нуждалось заболевшее общество.

Я его сохранила, этот маленький листок, на котором обозначена дата — **1 января 1978 года. «Аргументы и факты», Издательство «Знание».** Смотрю на него и вновь поражаюсь тому, что в те годы было таким привычным. Как жестко обозначены границы и возможности этого бюллетеня! Он мог давать только под определенной окраской и только строго цензурированные **материалы из выступлений советской печати по вопросам критики буржуазной идеологии и пропаганды.** На первой полосе, под названием, обращение:

«Лекторы, пропагандисты, политинформаторы и агитаторы!»

В этом выпуске читайте: Развитие экономики СССР и других стран социалистического содружества. Кризис капитализма: два полюса благосостояния, забастовочная борьба растет. Мирные инициативы Советского Союза в центре внимания прогрессивной общественности. Гонка вооружений. О правах человека: советская демократия в действии, «свободы» в странах капитала. Идеологические диверсии

против стран социализма. Нравы буржуазного мира: пропаганда культа насилия, антигуманные эксперименты».

Думала ли я тогда, во что он превратится через какие-то десять лет? И сколько усилий будет положено на это Главным и его командой?

Но одно я точно поняла: все самое удачное в жизни так и рождается — порывом души ради какой-то важной идеи и, главное, плотным единением на почве первых вдохновляющих успехов. Они закрепляют результат. Сложи вместе эти составляющие, добавь к ним необходимое звено — уверенного в правоте своего дела капитана, и — вперед! Расправляй свои паруса, команда!

...С зарождением «АиФа» началась и звездная карьера Владислава Старкова. Сегодня можно прямо сказать, что этот человек — загадка, один из немногих главных редакторов наших СМИ, кто умудрился практически без потерь пройти через всю перестройку. И в то же время, почему ему, имеющему в запасе такие чудесные способности, не удалось мирно прожить до своей кончины рядом со своим детищем?

И почему у нас почти всегда удачливые, талантливые люди, у которых было все, о чем им первоначально мечталось — власть, деньги, популярность, интересное дело — все-таки становятся в какой-то степени отверженными? Что это? Плата за успех? Ведь умирал он в страшных муках, почти без друзей, и в этом состоянии депрессии совсем не был похож на баловня судьбы. Кто таким роковым образом повлиял на весь его жизненный путь? Кто помешал ему до конца дней своих прожить умиротворенно и счастливо?

Не будем, да и не можем сразу раскрывать все карты этой непростой, честнее даже сказать, драматической судьбы, а лучше обратимся к первоисточнику — рассказам его друзей, коллег, жены и дочери. Этим воспоминаниям мы посвятили десять вечеров. На них мы говорили о том, как судьба неординарного человека переплелась с трагической судьбой огромной страны.

Но вначале все было просто.

Глава первая

ТРАНЗИТ «ЛАСПИ – МОСКВА»

*Я думал о происхожденьи
Века связующих тягот.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.
Борис Пастернак*

Справка: Владислав Старков родился 28 февраля 1940 года в Томске, в семье военного офицера. Тихая сибирская жизнь закончилась для него в 5-летнем возрасте, когда после войны отца отправили на службу в оккупированную Австрию. Вся семья провела там почти три года. А с 1948 года Ростов-на-Дону становится родным для Владислава. Впоследствии его многие считали настоящим донским казаком — один кудрявый чуб чего стоил! Здесь же он окончил машиностроительный институт.

Наша первая беседа началась с того, что мы перенеслись в лето после окончания Старковым института, в солнечную негу Ласпи...

Вспоминает друг юности Старкова **Владимир Суичмезов:** «...Это местечко в Крыму нам открыли местные ребята. Рассказывали, если нырнуть глубоко, можно найти подводные декорации к фильму «Человек-амфибия», говорили, что там безлюдно, повторяли на все лады: «В Ласпах хорошо». «Ласпами» оказалась бухта Ласпи, что недалеко от известного теперь Фороса. Все, о чем говорили ребята, оказалось правдой.

Вспоминается черное до жути южное небо, усыпанное яркими звездами, догорающий костер и мы, притихшие, слушаем нашу «Спидолу». Этот замечательный приемник рижского радиозавода ВЭФ после наших конструктивных доработок легко принимал зарубежные станции, которые угощали нас хорошей музыкой, песнями Далиды, Пола Анка, Элвиса Пресли, Эллы Фицджеральд. Советское радио музыкальным разнообразием нас тогда не баловало, репертуар строго соответствовал «текущему политическому моменту».

Владик Старков меньше других в нашей странной компании был склонен к ленивому, бездумному и такому приятному разбазариванию времени. Даже на отдыхе он запускал в наши разнеженные массы свои новые идеи. Приемник у Владика в руках; он понемногу пробирается через радиопомехи, иностранную речь, шум «глушилок», заунывные восточные мелодии и лихие ритмы рок-н-ролла. Вот «Голос Америки», слышна злобная «Немецкая волна», «Свобода», а вот «Би-би-си». Среди «вражеских голосов» Би-би-си была, пожалуй, самой спокойной. Передачи на русском вел некто Гольдберг, который не забывал каждый раз представляться по имени и отчеству. Позже Би-би-си читала нам главы из рукописей Солженицына. А первая его книга попала к нам в руки, если не ошибаюсь, в 1971-м году. Это была рукопись «В круге первом». Помню такое напутствие, переданное мне вместе с рукописью: «Если тебя спросят, откуда эта книга, скажи, что нашел ее за батареей парового отопления в подъезде. И никаких имен».

Наш обеденный стол в Ласпи был «сервирован» без излишеств. Более того, «инструмента» не хватало. Три алюминиевых ложки, похищенных в общепите, доставались самым проворным, остальные пользовались подручными средствами. Питание, не считая всякой мелочи, разнообразием не отличалось — один раз в день макароны с тушенкой, иногда в виде супа. Однако мой день рождения отметили неплохо. Пили замечательный местный портвейн, много хохмили, совершили ночной заплыв.

Надо заметить, что ночлег иногда проходил по очень упрощенному варианту: мы просто влезали в разложенную на траве палатку, как в большой спальный мешок, и засыпали под теплым крымским небом. Но вот из нашей берлоги появляется весельчак, жадный до утренней свежести. Его выгоревшая на солнце шевелюра напоминает развороченную скирду соломы. Он обходит потухший костер, закопченную кастрюлю с остатками макарон и подсаживается рядом. Закурили. Как-то незаметно завязался разговор «за жизнь». Говорили простыми и, как казалось, точными словами. «Герцен с Огаревым на Воробьевых горах» образца 70-х. Хорошо помню его фразу: «Надо жить так, чтобы, в первую очередь, было интересно тебе самому».

«Да, Владик всегда старался жить интересно, — говорит **Юлия Кузнецова**, жена Старкова. Он был специалистом по редким в то время ЭВМ. Со временем он мог сделать хорошую карьеру в металлургии. Но Липецкий металлургический завод, куда его распределили, так и не увидел молодого специалиста.

Его увлекала не только электроника, он интересовался и балетом, и театром, и литературой. Ему хотелось быть как можно ближе к культурной жизни столицы. И поэтому он очень хотел в Москву. А как попасть туда? Прописки нет, а посему нет ни жилья, ни работы, ни даже знакомых. И тут Владислав пошел своим оригинальным путем. Посещая столицу, он объезжал все окрестности Подмосковья. Ездил на электричках по разным направлениям и прикидывал, куда можно было бы пристроиться с его специальностью электронщика (это были 1962–1963-й годы). Он понимал, что у него есть единственный путь завоевания Москвы — это работа в каком-нибудь «почтовом ящике».

А где найти этот «ящик»? Они же все засекречены! Верно. Однако пути подъезда к ним могут быть и не засекречены! В электричках он рассматривал людей, сидящих в вагонах. А там были военные, серьезные, подтянутые инженеры... Старков потихоньку прислушивался и к тому, о чем они говорили. Действовал, ну, точно, как настоя-

щий шпион. И вот он заметил, что многие военные чаще всего выходят на станции Подлипки. (А там как раз находился известный центр ракетостроения). Преодолев стеснение, он тоже вышел вместе с военными. Они сели в служебный автобус и благополучно отчалили от станции. А он остался, грустно глядя им вслед. Что же делать? Когда он в следующий раз окажется в Подмосковье? А потому Старков набрался духу и, без всякой веры в успех, спросил у первой встречной бабули: «Слушай, дорогая, ты не подскажешь, где здесь «почтовый ящик?» Бабулька, как несознательный элемент, без раздумий указала ему дорогу, да и благословила еще, сказав: «Иди туда, сынок, с Богом!».

Благословение старушки подействовало. Старков пришел к проходной, и в бюро пропусков начал отважно спрашивать, не нужны ли там молодые специалисты? Стоящий рядом симпатичный мужчина бдитительно поинтересовался: «А кто вы, откуда, чего хотите? Расскажите о себе». Старков «открылся». «Зачем вам работать в Подлипках? Поедьте лучше к нам, в Москву, в мировой метеорологический центр. Вы — электронщик, а у нас новая техника, только что пришли новые машины ЭВМ, нам нужны такие специалисты, как вы (по счастливому стечению обстоятельств это оказался будущий директор Гидрометцентра). У нас есть аспирантское общежитие, и вы там будете жить, — говорил он, — потом мы вам, как молодому специалисту, дадим жилье». Такое предложение было невероятной удачей для Владислава. Это было просто фантастикой! И первым звеном в цепи дальнейших старковских везений.

После университета меня распределили туда же, в этот метеорологический центр. На физфаке МГУ я изучала атмосферу земли, а это оказалось близко к задачам Гидрометцентра. Шел 1963 год. Владислав работал инженером-электронщиком на вычислительной машине, а я была математиком. Мы обрабатывали информацию, поступающую с метеорологических мирных спутников Земли. Всего в мире было два таких центра — в Вашингтоне и в Москве. Нам надо было знать английский, так как мы должны были переводить специаль-

ную литературу. Вычислительных машин в Москве еще не было, и мы ездили в Минск на завод имени Орджоникидзе. Там отлаживали такую технику.

— *Юлия Федоровна, но вы уже были замужем! Зачем вам нужен был этот настырный провинциал?!*

— Я сразу обратила на Старкова внимание, он был очень симпатичным. К тому же нас сразу сблизили общие увлечения. Тогда интеллигенция, студенчество, молодежь увлекались и музыкой, и театром, бредили поэзией. Это все было наше. Мы с ним просто дружили. Я действительно в то время уже была замужем. Браком сочеталась еще в университете, и мой муж, очень красивый мужчина, Александр, был журналистом. Однако ужасно ленивый, как и многие мужья, он часами лежал на диване. Я все-таки, в отличие от него, «крутилась», видимо, поэтому и оценила целеустремленность Старкова. Мы старались не пропускать ни одной премьеры. Занимали очередь в театральную кассу в пять-шесть часов утра. И были счастливы, потому что слушали Марию Каллас, Вана Клиберна, видели спектакли Мориса Бежара, Юрия Любимова, молодого Олега Ефремова. Владислав обожал оперу. Мне кажется, какими мы были, когда нам было по двадцать три года, такими и остались. Да, нам вдвоем было интересно. Все московские переулки были наши, везде мы гуляли. В 1968-м году я рассталась с мужем. Детей у нас не было. Через год мы с Владиком начали встречаться уже серьезно. А в 1970 сыграли свадьбу».

— *Удивительно, сколько же в нем, молодом, было намешано! Возможно, у него были какие-то особенные родители, коль привили парню такую тягу к искусству? У простых людей на это обычно нет времени, они заботятся только об одном — лишь бы выжить...*

Рассказывает **Лена**, дочь Старкова: «О его матери, о своей бабушке, я могу говорить много. Звали ее Мария Михайловна. У нее

была очень красивая девичья фамилия — Баженова. Ее не стало, когда мне было семь лет. Это была самая мудрая женщина, которую я знала. У нее не было особого образования, но была внутренняя женская мудрость от природы. Бабушка была очень сильной и властной. Именно из-за этого папа рано уехал из родительского дома. Она была гораздо сильнее, чем он, была женщиной такого формата, как Галина Борисовна Волчек и Алла Борисовна Пугачева. Но она не ставила себе в жизни больших целей. Если бы у нее был хотя бы один шанс как-то реализовать себя не в семейной сфере, а в общественной, то она, наверное, стала бы кем-то вроде министра культуры.

Но это могло произойти, если бы у нее был другой муж, не такой, как мой дедушка. А он был маленьким и очень вредным. Дядечка, который все время хотел ее согнуть в бараний рог. Он был везунчик — с бабушкой ему повезло на сто процентов, это его самая большая удача. Но и после бабушки у него была прекрасная жена, которая не так давно скончалась. Дедушка умер, когда мне было 20 лет. После его смерти появился Ваня, его правнук. Шел 2001-й год. Душой отец был больше привязан к матери. А потом, после ее смерти, он помогал отцу, лечил, полностью его обеспечивал. Так что с сыном ему тоже повезло.

Мой отец был очень щедрым человеком, особенно по отношению к родным людям, друзьям. Думаю, это из-за того, что он родился в Сибири, а вырос в Ростове. В провинции люди более открытые. Там с детства прививаются такие духовные качества, как семейственность, помощь близким. Это впитывается с молоком матери. Вспоминаю, как бабушка очень интересно рассказывала о семье. К сожалению, никто не записал ее рассказов. Мне было семь лет, а другие члены семьи были заняты собой. Она умерла рано, ей было всего 68 лет. Если бы она прожила еще какое-то время, то оставила бы мне свои воспоминания, потому что очень меня любила. Будь она со мной на несколько лет дольше, я уверена, у меня бы по-другому пошла жизнь».

ДРУЗЬЯ НАВЕК

*Что истина, мой друг, скажи?
В чем правда этой бременной жизни?
Что в ней построено на лжи,
И что достойно укоризны?*

В.С.*

Справка: Редко можно встретить такого человека, для которого друзья значили бы все! По жизненной шкале ценностей они у Старкова, без сомнений, были на первом месте.

В дальнейшем многие его коллеги склонялась к мысли, что трудовые подвиги совершались Старковым не только ради себя и семьи, но и ради товарищей. Как же собралась вокруг него эта дружеская компания?

«Мне запомнилась, — рассказывает его друг **Анатолий Мамцис**, — наша первая встреча. В конце 60-х годов я часто ходил в консерваторию. Он тоже частенько там бывал, и мы вроде как примелькались друг другу. Потом как-то сидели рядом и заговорили. У нас оказалось много общих интересов. Например, Мария Каллас — тогда у нас никто о ней не слышал, никаких записей не было. И только очень маленькая горстка людей знала, кто такая Каллас. И это тоже нас сблизило, у него была пластинка с ее записью, а у меня было восемь комплектов. Мы ее слушали. Однажды я его пригласил к себе домой, мы жили на Арбате. И моя теща угостила его домашним, настоящим украинским борщом. Он был в полном восторге. В то время у него из москвичей никого знакомых не было. И он был очень рад, что попал в московский дом. Мы были молоды: ему — 27 лет, а мне — 30. К тому

* В. С. — не инициалы Владислава Старкова. Автор стихов пожелал остаться неизвестным.

времени, когда мы познакомились, он уже перетащил всех своих друзей из Ростова: Женю Рогова, Борю и Иру Павловых. Мы стали достаточно часто встречаться у него в 7-метровой комнате в районе Коптево. Называли ее кубриком, потому что стол, шкаф и кровать собирались в стенку, и вся площадь оставалась свободной. Мы устраивали там вечеринки с танцами и песнями. Было очень весело.

А потом, уже где-то в 70-м году, он решил жениться на Юле Кузнецовой. И меня взял свидетелем. Свадьбу отмечали на родительской даче жены в Переделкино, на огромной террасе. За столом сидело человек тридцать во главе с Юлиным отцом, а напротив — молодые. Погуляли на славу! Так началось наше совместное общение».

«С Владиком и Юлей мы познакомились в 1972 году в Мисхоре, — вспоминает актер **Авангард Леонтьев**. — Случайное знакомство переросло в дружбу на всю жизнь. Я не особо любил «жариться» на пляже, а Старковы там пропадали. Но вечером, когда жара спадала, мы вместе гуляли по «царской тропе» — от Мисхора до Ливадии. По легенде, этой тропой прогуливался еще Николай II.

Во время этих прогулок я, тогда еще молодой артист «Современника», захлеб рассказывал Владiku и Юле о театре, об Олеге Ефремове и Олеге Табакове, Галине Волчек и обо всех наших закулисных делах. Это были рассказы в лицах, которые Владiku очень нравились. Он хохотал и просил по несколько раз повторить ту или иную байку. Я имел успех у Старковых, и это подогревало нашу дружбу. К нашей компании иногда присоединялась Нина Афанасьевна Сазонова, знаменитая артистка Театра Советской Армии, а также — кино.

После отдыха в Крыму Старковы пригласили нас с Ниной Афанасьевной к себе домой, на Арбат, в генеральскую квартиру Федора Федотовича Кузнецова, Юлиного отца. Было очень хлебосольно и просто. И мы поняли, насколько это гостеприимный дом, и какие это сердечные люди, так умеющие расположить к себе. И еще они оказались очень любопытными, даже жадными до новых знаний. Была масса вопросов со стороны прекрасной хозяйки дома, Марии Нико-

лаевны, Юлиной мамы. Мы частенько бывали в их доме. Они очень любили приглашать гостей, были роскошные застолья. А самое главное, та атмосфера, которая устанавливалась за столом, была для всех привлекательна своим добродушием...»

«Я это тоже хорошо помню. Когда мы поженились и стали жить вместе, то столкнулись с большими сложностями, — говорит **Юлия**, жена Старкова. — Владислав оказался лидером. В семейной жизни от этого всегда и у всех бывает не просто. Но я с удовольствием признала его лидерство. Спорила иногда. А он говорил, вот ты, мол, споришь, а все равно прав буду я. Авторитет его в моих глазах был очень большим. Однако мои родители (а сначала мы жили у них) не всегда соглашались с такой постановкой вопроса. Это был мой второй брак. Первый мой муж был осетин, восточный человек: услужливый, внимательный к моим родителям. На Востоке всегда все почитают родителей. Например, встают, когда входит женщина. А когда в нашу семью пришел русский мальчик из Ростова, получился явный диссонанс.

Вскоре у нас обострились отношения с моими родителями: Владик и с ними тоже пытался быть лидером (а мой папа тоже лидер, да еще какой!). Он был боевым генералом, во время войны был членом Военного Совета Воронежского фронта, а в 1944 году его назначили начальником Военной разведки Генерального Штаба (ГРУ). Тогда мы решили (чтобы окончательно не испортить с ними отношения) переехать в Коптево. Там у мужа уже была комната площадью 7,7 кв.м., которую ему дали на работе.

В нашей комнате он, будучи электронщиком, все автоматизировал. Там был раскладной автоматический стол, пульт управления телевизором — тогда ведь еще не было этих пультов, он сделал все сам, ведь муж — талантливейший инженер. Стенку, какие-то панели привез из Таллинна, все сам смастерил. Получилось очень комфортно. Несмотря на маленький объем комнаты, там умещалось абсолютно все. Многие удивлялись такому таланту дизайнера у Старкова. В той комнате у нас все было откидное: откидная двуспальная кро-

вать и откидной стол, встроенная в стену полка для книг. Так что мы жили, можно сказать, в американизированной квартире. Когда, много позже, мы въехали в кооперативное жилье, муж предложил обить стены не обоями, а темно-красным с золотым орнаментом ситцем: необычно, дешево и отдаленно напоминает зал Большого театра».

Тамара Иванова, жена брата Старкова: «Первая встреча с Владиславом состоялась в сентябре 1966 года. После свадьбы с Юрием мы посетили Москву, жили в гостинице «Балчуг». Встретились два брата, оба были молоды, здоровы и счастливы. Владик прекрасно выглядел — загоревший, подтянутый, очень стильно одетый. Мы пошли в уютный ресторанчик с хорошей кухней. Владик интересовался родственниками, нашими планами на будущее. Наши отношения стали теплее и ближе, когда мы переехали из родного города Томска в Москву. У Владика уже появилась семья, мы часто собирались на их даче в Переделкино. Вспоминается чайный стол — огромный, круглый, с вышитой скатертью, и необыкновенно ароматный чай (фирменный Юлин) с пирогами, которые пекла мама Владика. Начинались беседы, обмен новостями. Владика всегда слушали внимательно — времена были сложные, и его мнение очень ценили. Информацией он обладал огромной. Часто давал нам читать ксерокопии новых книг, статей. При всей своей занятости он всегда помнил о брате, о нашей семье. Оплачивал лечение, из зарубежных поездок всегда привозил милые сувениры, которые мы бережно храним... Умел слушать. На его короткий вопрос: «Какие моменты?» ты выкладывал ему все, что есть на душе».

Владимир Суичмезов, друг: «Помню, как я, пройдя через бюро пропусков и строгую охрану, первый раз вошел в машинный зал Гидрометеоцентра и оторопел: среди жужжащих ЭВМ и мигающих лампочками пультов управления шагал разномастный строй молодых сотрудников. «Куда идем мы с Пятачком» пели они с большим подъемом. Первым в этой веселой команде, высоко поднимая колени, вышагивал начальник смены Владик Старков. Здесь все было по-

домашнему. Девчонки-операторы заваривали чай, кто-то колдовал над пультом, следил за поведением широкой магнитной пленки в вычислительной машине «Минск — 12», тут же кто-то пыхтел, надувая резиновый матрац (смена была ночной) — короче, работа кипела. В этом вычислительном центре уже трудились двое из нашей ростовской студенческой компании».

РАДИЙНЫЙ МАРАФОН

Ты в тупике непониманья.

И в лабиринте суеты.

В потугах псевдосозиданья.

Куда, к чему стремишься ты?

В.С.

Справка: В 1968 году Владислав понял, что техническое образование — лишь страница в биографии. Главная дорога должна была привести в гущу общественной жизни. Интуиция подсказывала: нужно стать журналистом и с помощью этой профессии попробовать реализовать свой огромный творческий потенциал.

Следует заочная учеба в университете, и в 1973 году бывший электронщик становится профессиональным журналистом.

После окончания университета (окончил его с красным дипломом) Старкова взяли в промышленный отдел московской редакции Всесоюзного радио.

Сейчас уже очевидно, что этот сплав был не случаен — в нем замысел относительно его дальнейшей судьбы, в которой ничего не бывает «просто так». Мы все для чего-то «запрограммированы». Какая же программа ожидала нашего непростого героя?

Юлия Кузнецова, жена: «Владислав был интеллектуалом и всегда хотел работать в редакции — эта работа открыла бы перед ним

двери почти всех кабинетов и концертных площадок, не говоря уже о том, что еще больше он мог бы сделать для своих друзей. Поэтому он поступил на заочное отделение филологического факультета Ростовского университета, на отделение журналистики, на котором и учился, причем очень увлеченно. Он специально поступал в родном городе, чтобы, приезжая сдавать очередную сессию, встречаться со своими родителями, которых очень любил.

Вспоминает его радийная наставница **Татьяна Зелеранская**: «...Бегу, как всегда, в цейтноте. Марафон по длинным коридорам Радиодома на Пятницкой, километры в день. Маршрут один: студия, монтажная, редакция, снова монтажная, редакция, студия. Бегу, прижимая к себе гору отмонтированных пленок. Тороплюсь. И все-таки краем глаза замечаю в коридоре возле редакционных дверей приятного молодого человека, в хорошем сером костюме. Особенно разглядывать некогда, влетаю в редакцию, скидываю пленки на тумбочку. Телефонный звонок. «Алле». — «Таня, зайди!» Главный редактор, Королева Александра Васильевна. Вот некстати, думаю я, через несколько минут надо быть в студии. Но... Снова в коридор, мимо того парня, в кабинет к Королевой. «Слушаю, Александра Васильевна». Она протягивает стопку машинописных листов. «Парня рекомендовали на работу, мне читать некогда его опус, готовлюсь к бюро горкома, прочти, пожалуйста, если годится, то возьмем».

Беру листы и уже не бегу, а медленно прохожу мимо парня, понимая, что это он кандидат в сотрудники. Светлые волосы, голубые глаза, очень аккуратный. Захожу к себе, начинаю читать — и увлекаюсь, совсем забыв про студию. Сейчас не помню фамилию того архитектора, о котором был очерк, но написан интересно, сочно, с какими-то милыми деталями, порой с юмором. «Вкусно» написан. Иду к Королевой. Говорю: «Берите парня, хорошо пишет». Королева: «Ну, так давай сразу в эфир». — «Нет, — говорю, — в эфир нельзя, это ж абсолютно нерадийный материал». Королева удивлена: «А что ж ты тогда говоришь «берите». — «Потому что пишет очень хорошо,

интересно выстраивает, находит какие-то удивительные детали, не сомневайтесь». Королева смеется: «Под твою ответственность».

Вот так Владислав Старков стал специальным корреспондентом Московской редакции Всесоюзного радио. Первое инженерное образование ему во многом помогло. Помню наше всеобщее удивление, когда он сообщил нам, что для того, чтобы выпустить программу в эфир, надо проделать 24 операции. Никто никогда не считал — носились, как «павловские» собаки, все на рефлексах. А он сразу увидел, как сократить эти операции, минимизировать простую беготню. Радио — это ведь не только творческая работа, это сложный технологический процесс, производство. И вот в этом производстве он освоился очень быстро. А как инженер, сразу полюбил сложные в техническом отношении передачи, так называемые «переключки».

Через год работы в Московской редакции Всесоюзного радио его избрали Председателем профбюро Главной редакции, я стала его заместителем. Просто народ почувствовал, что он именно тот человек, который сумеет что-то сделать для коллектива. А что тогда входило в его обязанности — пробивать через головной профком Гостелерадио жилье для нуждающихся, обеспечивать сотрудников путевками в санатории, а их детей — в пионерские лагеря, в детские сады.

У него было очень развито чувство прекрасного, ему всегда хотелось даже самый официозный праздник превратить в красивое и незабываемое событие, сделать людям какой-то сюрприз. А времена были такие, что сделать это все было очень непросто: требовалось даже самую малость «доставать». Вот грядет Восьмое марта. Ну, что обычно? Каждой женщине веточка мимозы. Он этого не хотел. Он долго договаривался с Измайловским цветоводством, устанавливал контакты, в результате — победа. Те соглашались продать редакции дефицитные тюльпаны. И накануне праздника мы ехали с ним в Измайлово и покупали эти тюльпаны. Но и этого ему было мало. Шли долгие переговоры с кондитерской фабрикой «Красный Октябрь», в результате к тюльпанам прибавлялась роскошная коробочка шоколада каждой женщине. Но ведь еще нужен был сюрприз, момент неожи-

данности, и он решал, что все это нужно отвезти каждой женщине накануне праздника, т.е. 7 марта. И мы снова садились в машину и ехали по домам наших сотрудниц. И надо было видеть не столько их удивление, сколько восторг самого Владика, что удалось, что люди по-настоящему рады».

НА ПОРОГЕ СОБЫТИЯ

Какую миссию содержит это чудо?

В чем смысл его земного бытия?

С душой ли жил Искарриот Иуда?

С какой душой живу сегодня я?

В.С.

Справка: На Всесоюзном радио Владислав Старков проработал недолго. Будучи творческим человеком, он предлагал множество идей, но руководство не поощряло новаторство, предпочитая не создавать себе трудностей и придерживалось привычного курса. Поняв, что эту рутину не изменить, Старков ушел из редакции вещания на Москву.

Встречи, встречи, встречи... Их было много, но одна из них дорогого стоила. Она еще раз демонстрирует, что ничего случайного в нашей жизни не бывает. Вроде бы все просто: стоит парень у картины на многолюдной выставке, вдруг к нему неожиданно подходит другой, чуть старше по возрасту, и они начинают мирно беседовать на тему живописи. Естественно, еще никто из них не знает, что ждет впереди, и насколько их судьба будет зависеть друг от друга. Они еще ничего о себе не знают...

Николай Зятков, главный редактор: «Как-то раз, оказавшись в Москве, я пошел в Манеж, на выставку, представленную членами Академии художеств, впитывать в себя столичную культуру, поскольку

ку сам я из небольшого городка на Смоленщине. Случайно задержался у одной из картин академика Трапезникова, произведение называлось «Покорение Северного полюса». Ко мне подошел молодой человек, чуть постарше меня, с венгерским магнитофоном с бобинными кассетами, и хотя он считался «мини магнитофоном», но, тем не менее, весил килограммов пять (кто бы мне тогда сказал, что я сам буду с ним бегать по разным предприятиям и улицам Москвы!) И вот этот молодой человек спросил о моих впечатлениях от выставки, нравится ли мне эта картина и почему. Выключив магнитофон, он сказал мне, что работает на радио. Потом спросил мои данные, чтобы проинформировать, когда пойдет в эфир эта радиопередача.

Затем он мне позвонил, мы встретились, причем, помню, это было интересно и мне, и ему. Старков, наверное, почувствовал, что я в Москве один, и в каком-то смысле меня опекал. Приглашал к себе на дачу, познакомил с супругой, дочерью, родственниками, родителями, тестем, тещей. Я всегда с большим удовольствием бывал у них в гостях, потому что семья у него необычная. Мама была очень строгая и волевая, а отец, бывший военный, прошел войну и служил в спецвойсках. Многого он не рассказывал, но и то, что говорил, было очень интересно. Тесть, Федор Кузнецов, был политическим деятелем. Жили они в Переделкино под Москвой, попасть в этот заповедник вождей и талантов простому смертному было невозможно. Рядом была дача Микояна, а они об этом говорили так, будто это были просто соседи. А сама квартира была в Москве, где жили эти «спецлюди». Меня, конечно, все это потрясло. Сейчас этим уже не удивишь, но тогда — гигантская квартира в центре Москвы!

Как-то у нас с Владиславом зашел разговор, не хочу ли я заняться журналистикой. Я сказал, что у меня есть небольшой опыт: в институте писал статьи в газету и еще работал в прогрессивной газете «Советская молодежь» в Риге. Распространяли ее по всей стране, потому что она позволяла себе больше, чем все остальные, была такая «крутая». Старков сказал: «Вот и хорошо, давай попробуем на радио, тебе будет интересно». Так я стал его внештатным корреспон-

дентом. Я должен был делать передачи из сферы искусства, брать интервью у людей известных и не очень, таких как победители соцсоревнования. Это было увлекательно. До мастерства было еще далеко, поэтому он учил меня навыкам радиожурналиста.

В общем, дошло до того, что Старков даже рекомендацию дал мне в Гостелерадио — там у них вакансия была. У меня были неплохие характеристики. Но, к сожалению, меня туда не приняли, потому что в тот момент я не был членом КПСС. А в отделе кадров мне сказали, что ты, мол, еще молодой, иди, поработай на завод, вступи в партию, а потом — какие твои годы — к нам и вернешься. Собственно, я так и сделал: поработал на заводе, потом в «Строительной газете».

Юлия Кузнецова, жена: «Радио Владивку очень помогло. Познакомился с разными людьми, знал все предприятия столицы, ловил ошибки, допущенные другими. Потом муж перешел на работу заводом истории в издательство «Международные отношения», входящее в структуру общества «Знание», которое подчинялось отделу пропаганды ЦК КПСС. Здесь они издавали брошюры, книги работников МИДа. Муж очень хорошо зарекомендовал себя на этой работе. Поэтому, когда в 1979 году в ЦК КПСС возникла идея издавать бюллетень для советских пропагандистов и агитаторов на основе дайджестов прессы, и встал вопрос о главном редакторе, выбор пал на Старкова. Оригинальных материалов в газете не было, поэтому после нескольких номеров его отозвали обратно. Да он и сам тяготел к авторским текстам. Но как только была изменена концепция газеты, мужа позвали снова.

Мы с ним долго обсуждали, следует ли делать этот шаг: как же он уйдет из международного отдела Всесоюзного общества «Знание» — в какой-то листочек, маленький, тоненький? Да и зачем? Но все же муж склонялся к тому, что, возможно, это будет его дело, и здесь, может быть, удастся сделать что-то самому. В международном отделе он все-таки только редактировал чужие материалы...».